

Оригинальная статья / Original article

УДК 341.211(470+571)(09)

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-130-140>

Теория фронта и переселение крестьян в Сибирь: научная трактовка государственной политики XIX–XX веков

© А.И. Бакшеев

Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Красноярск, Россия

Аннотация: Целью исследования является анализ теории фронта и ее использование при изучении крестьянского заселения Сибири после отмены крепостного права. Работа выполнена с использованием как общенаучных методов, так и специальных методов исторической науки. В зависимости от выполнения поставленных задач применялись сравнительно-исторический, статистический, проблемно-хронологический, логический и другие методы. Междисциплинарный подход дал нам возможность использовать широкий круг методов других наук, в частности социологии и демографии. В качестве основных источников исследования были выбраны работы, посвященные вопросам землеустройства в Российской империи, анализу переселенческой политики в России во второй половине XIX – начале XX века, а также вопросам региональной политики дореволюционной России. В статье осуществлен обзор концепции фронта в зарубежной и российской исторической науке. Осуществлен анализ переселенческой политики в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века и исследованы вопросы региональной политики дореволюционной России с позиции теории фронта. Практическое значение исследования заключается в том, что использование концептуальных подходов теории фронта позволяет расширить понимание предмета и объекта исторической регионалистики. Современный этап исторического развития регионологии привлекает внимание историков, прежде всего, с точки зрения становления новых методологических подходов, поисков путей интеграции цивилизационной системы и региональной науки. Научная новизна исследования заключается в анализе процесса переселения крестьянства Российской империи в Сибирь в конце XIX – начале XX века с точки зрения теории фронта. В заключение сделан вывод о том, что на протяжении всей истории Сибирь была регионом сплошного фронта.

Ключевые слова: фронт, научная трактовка, историография, методы, Россия, Сибирь, переселенческая политика, крестьянство, миграция, переселение

Информация о статье: Дата поступления 8 марта 2020 г.; дата принятия к печати 6 апреля 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Бакшеев А.И. Теория фронта и переселение крестьян в Сибирь: научная трактовка государственной политики XIX–XX веков // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 130–140. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-130-140>

Frontier theory and migration of peasants to the Siberia: scientific interpretation of the state policy of the XIX–XX centuries

© Andrey I. Baksheev

Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky Ministry of Health of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russia

Abstract: The purpose of the study is to analyze frontier theory and its use in the study of peasant's settlement in Siberia after the abolition of serfdom. Both general scientific and special methods of historical science were used in the study. Comparative historical, statistical, problem chronological, logical, and other methods were used in accordance with the realization of tasks

set. Interdisciplinary approach made it possible to use a wide range of methods from other branches of science; sociology and demography in particular. Works on land management in the Russian Empire, works on analysis of resettlement policy in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries, as well works on regional policy of pre-revolutionary Russia were selected as the main sources of the research. The article studies the concept of 'frontier' in foreign and Russian historical science. The analysis of resettlement policy in the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries was carried out; the issues of regional policy in pre-revolutionary Russia were investigated from the standpoint of frontier theory. Practical significance of the study lies in the fact that the use of conceptual approaches to frontier theory makes it possible to broaden the understanding of the subject and the object of historical regionalism, keeping in the mind the fact that the current stage in historical development of regional science attracts the attention of historians, primarily from the point of view of the formation of new methodological approaches, search for ways for civilization system and regional science integration. Scientific novelty of the research consists in analyzing the process of the peasants' resettlement from the Russian Empire to Siberia in the late XIX – early XX centuries from the standpoint of frontier theory. It was concluded that Siberia was a region of entire frontier during the whole historical period.

Keywords: frontier, scientific interpretation, historiography, methods, Russia, Siberia, resettlement policy, the peasants, migration, resettlement

Article info: Received March 8, 2020; accepted for publication April 6, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Baksheev A.I. (2020) Frontier theory and migration of peasants to the Siberia: scientific interpretation of the state policy of the XIX–XX centuries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 130–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-130-140>

Первичное значение слова «фронт» соотносилось с эпохой освоения свободных земель на Западе США. В данном случае оно означало не только географическую черту «свое» / «чужое», «дикость» / «цивилизация», но и определенное состояние духа завоевания, выраженное в мотивах «огромной, открытой и свободной местности», «пионерства», покорения природы, борьбы с дикарями-индейцами (Соболева, Бобров, 2011).

После того как в 1893 г. американский историк Ф.Дж. Тернер выступил со статьей «Значение фронта для американской истории» (позднее включенной как первая глава в книгу «Фронт в американской истории» (Тернер, 2009)), термин «фронт», ранее литературный и публицистический, приобретает научный характер – геополитический и историко-социологический. Новая концепция вызвала значительный резонанс и обострила интерес к истории освоения малообжитых просторов американского континента, роли этих процессов в формировании американской нации и государства, дала жизнь отдельному направлению исследований.

Суть концепции фронта в тернеровском прочтении сводится к следующему. Историческое развитие США определено их естественной средой.

Нехватка свободных земель на Востоке, их необъятный резервуар на Западе и тяга американцев к свободе продвигали черту поселений все дальше и дальше в глубь континента. Ф.Дж. Тернер рассматривал этот процесс в контексте «столкновение варварства с цивилизацией», следствием чего было развитие духа индивидуализма, формирование американской нации, укрепление демократии. Еще одна важная идея Ф.Дж. Тернера – доктрина «выпускного клапана». Наличие свободных земель способствовало решению социальных проблем. Следовательно, в противовес Европе, США удалось избежать острых форм общественных противоречий. Фронт долго служил своего рода социально-экономическим катализатором развития США и способствовал развитию духа предпринимательства и демократического индивидуализма (Тернер, 2009). Таким образом, исторически «фронтом» именовалась непрерывная граница осваиваемых в 1820–1890 гг. территорий, где власть государства была условна, а ресурсы чрезвычайно обширны.

В 1894 г. Ф.Дж. Тернер так дефинировал понятие фронта: «те отдаленные регионы, которые на разных стадиях развития страны были заселены слабо и составляли плавильную грань между дикостью и цивилизацией». В 1924 г. ученый уточнил

эту дефиницию: «по сути, временная граница экспансивного общества на краю свободных земель,... ближайшая к диким землям зона поселений, где общество и власть неопределенны или организованы не полностью» (Turner, 1994).

Теория фронта в первоначальной тернеровской формулировке несколько раз была критически проанализирована и существенно дополнена другими исследователями в течение 1960–90-х гг. (Lattimore, 1962; Webb, 1981; Рибер, 2004). Сначала был подвергнут ревизии тезис о столкновении «варварства» и «цивилизации», в результате чего внимание было акцентировано на геноциде коренных жителей – индейцев. Впоследствии обратились к проблеме экологических потерь региона в результате хозяйственной деятельности американских переселенцев. Хотя в целом никто из критиков не ставил под сомнение главенствующую роль приграничья в истории США, чисто тернеровское понимание фронта постепенно уходило в прошлое.

Сегодня фронт трактуется учеными чаще всего, как зона межцивилизационного, поликультурного влияния и взаимодействия. Такое понимание впервые предложил американский историк и востоковед Оуэн Латтимор, сформулировав понятие фронта как зоны интенсивного взаимодействия различных культур (Lattimore, 1962). Проводя параллель между фронтами Китая, Британской Индии и Древнего Рима, исследователь заострил внимание на нескольких зонах. Первая – собственно граница (здесь население имеет сильное чувство собственной пограничной идентичности через совместную с жителями противоположной стороны экономику). Вторая – ассимилированное пришедшее население, варвары, которые живут с внутренней стороны границы. Третья – население с внешней стороны границы, которое знакомо с цивилизацией сугубо поверхностно, но пользуется ее благами (например, контакты скифов и греков в Северном Причерноморье). Четвертая – это общество «тотального варварства». Заселение приграничной территории уже имеет своим следствием становление фронта, который перманентно пре-

терпевает изменения под влиянием сообществ по обе его стороны (Lattimore, 1962).

В контексте интенсивной фрагментации исторических знаний и глобализации исторической науки в период 1970–1990-х гг. тенденция к компаративным исследованиям мировых фронтов окрепла. Историки утверждали, что американский фронт не уникальное явление, а эпизод глобального процесса «экспансии Европы» (MacKay, 1977; Barfield, 1989; Sahlins, 1990; Power, 1999). Представляется, что в этом русле стоит обратить внимание на тезис «Великого Фронта» Уолтера Уэбба (Webb, 1981). Он предложил глобальный исторический нарратив, распространив тезис Тернера на Западную Европу, всю Америку, Южную Африку, Австралию, Новую Зеландию, подчеркнув одновременно определяющее воздействие народов зоны Великого Фронта на мировую экономику, политику, литературу, науку и искусство.

Также У. Уэбб считал фронт одним из главных факторов модернизации общества, наряду с Ренессансом, Реформацией и индустриальной революцией. Он предложил гипотезу бума, согласно которой именно фронт предоставил ресурсы, позволившие метрополиям обеспечивать собственное интенсивное индустриальное развитие, с одной стороны, и манящих к себе активных и предприимчивых людей попытать счастья на новых землях, с другой. Следовательно, благодаря фронтам происходило становление экономической и ценностной основы современного индустриального общества. Экономический бум длился настолько долго, насколько хватило избыточных ресурсов фронта. Их нехватка повлекла за собой Первую мировую войну (за передел территорий и ресурсов) и дальнейшие катаклизмы XX века (Webb, 1981).

Среди современных ученых теория фронта нашла свое дальнейшее развитие в трудах А. Рибера. По его мнению, фронт представляет собой переходную зону, в пределах которой происходит взаимодействие нескольких культур и полиэтнических структур (Рибер, 2004). Наряду с этим, изучая историю Восточной Европы, А. Рибер предложил выделять фронт также по политическому крите-

рию, опираясь на идеи О. Латтимора и историческую действительность Российской империи. Исследователь отмечает феномен двойной лояльности фронтальных обществ в зонах взаимодействия трех и более политик: австрийская военная граница в Хорватии, где сталкивались интересы Венеции, Габсбургов и Порты; Украина, за которую боролись Польша, Турция и Россия; Кавказ (Порта, Иран, Россия); китайский Туркестан (монголы, китайцы, русские) и линия Ордос-Ляо (маньчжур, китайцы, русские). А. Рибер детально проследил, как длительные политические и культурные влияния каждой из трех политических систем отразились на трансформациях идентичности автохтонного населения этих фронтов (Рибер, 2004).

А. Каппелер предложил рассматривать явление фронта в четырех ракурсах: как географический фронт между различными природными зонами, как социальный фронт между различными образами жизни и системами ценностей разных народов, особенно между оседлым населением и кочевниками или охотниками, как военный фронт, как религиозный и культурный фронт. Согласно этой схеме А. Каппелер различает военный фронт, фронт интенсивной эксплуатации (природных ресурсов), а также фронт поселений (Каппелер, 2003).

Обращаясь к отечественной историографии данной проблемы, необходимо констатировать, на наш взгляд, то, что сегодня подход к истории России исходя из концепции «фронта» особенно популярен в среде сибирских ученых. В этой связи можно отметить серию публикаций «Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особое» (Фронт в истории..., 2001–2003), а также историографические труды смежной проблематики, наряду с конкретно-историческими исследованиями.

Скажем, в кандидатской диссертации красноярского историка О.С. Хромых «Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой трети XVII века в свете теории фронта» реализована на конкретном историческом материале концепция трех стадий фронта – внешнего, внутреннего и внутренне-цивилизационного – в контексте соци-

ально-пространственного анализа. Здесь, прежде всего, речь идет о внешнем фронте как появлении контактных зон между пришлым и коренным населением; внутреннем – как процессе вхождения новой территории в состав Российского государства, содержанием которого является тесное взаимодействие и взаимовлияние различных культурно-хозяйственных типов и этносов. Наконец, в условиях внутренне-цивилизационного фронта происходит формирование и институционализация новой общности на основе различных типов взаимодействия. Представляется, принципиально важным подчеркнуть то, что вышеприведенные три стадии фронта в Сибири происходили не последовательно одна за другой, а одновременно, хотя присутствовали и определенные региональные различия¹.

Сложность и неоднозначность социально-экономического измерения фронта показывает доказанная российскими историками многоукладность экономики России и Сибири, где рядом с рыночными отношениями сохранялись и отсталые – архаичные. Такое явление, кстати, было присуще и американскому фронту (Резун, Шиловский, 2005).

Необходимо отметить и тот факт, что региональному компоненту фронта придается все большее значение в исследованиях отечественных и зарубежных ученых. Это обусловлено тем, что новые парадигмы сущности современных международных отношений определили и новые мировоззренческие контексты таких понятий, как пространство и время в эпоху постмодерна, глобализационные и интеграционные процессы, межкультурные коммуникации, транснационализм, а также ряд новых, не известных ранее, взаимосвязей внутренней и внешней политики. Иными словами, значение фронтальной теории в изучении современных геополитических процессов постоянно растет. Особенно это заметно в региональных геополитических измерениях.

¹ Хромых А.С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII века в свете теории фронта : дис. ... на соиск. ученой степ. канд. ист. наук. Томск, 2008. 270 с.

Таким образом, теория фронта за все время своего существования с конца XIX века и до наших дней претерпела множество изменений и дополнений, но до сих пор остается востребованной и актуальной в среде ученых-историков именно благодаря таким изменениям.

Для анализа были избраны работы А.М. Анфимова (Анфимов, 1961) и М.А. Давыдова (Давыдов, 2011), посвященные вопросам землеустройства в Российской империи; исследования М.К. Чуркина (Чуркин, 2006), труды Д.Н. Беянина (Беянин, 2011а; Беянин, 2011b) о переселенческой политике; публикации А.В. Ремнева (Ремнев, 1997) и И.Л. Дамешек (Дамешек, 2002), осветившие вопросы региональной политики дореволюционной России.

Работа выполнена с использованием как общенаучных методов, так и специальных методов исторической науки. В зависимости от выполнения поставленных задач использовались сравнительно-исторический, статистический, проблемно-хронологический, логический и другие методы. Междисциплинарный подход дал возможность использовать широкий круг методов других наук, в частности социологии и демографии. Такое сочетание, на наш взгляд, обеспечило всестороннее изучение поставленной проблемы и получение обоснованных результатов исследования.

Сибирь в территориальном пространстве Российской империи всегда занимала особое место. На наш взгляд, она стала ее составляющей еще в середине XV в., когда окрепший в военном отношении московский государь начал забирать в свои руки земли бывшей Золотой Орды. Феномен этого завоевания проявился в том, что православная держава захватывала территорию Сибирского ханства – значительной части еще недавно могущественной исламской империи (Каппелер, 2004). Однако период ее освоения оказался самым длинным, если сравнивать с другими землями, которые входили в состав Российского государства, как в силу природно-географических особенностей края, удаленности от столичного центра, отсутствия дорог, холодного климата, так и вследствие запоздалого осознания властью значения Сибири в поли-

тическом и экономическом пространстве империи. Интенсивная колонизация этого региона в XIX веке началась под давлением не столько внутренних, сколько внешних факторов, когда в результате новой геополитической ситуации, сложившейся после поражения России в Крымской войне, интерес к Сибири возрос со стороны государств-победительниц и, прежде всего, Великобритании. Ускорялся он и из-за интереса к этому краю со стороны японцев, корейцев и китайцев, нападения которых становились все более частыми (Азиатская Россия..., 2004). Укрепить здесь военнополитическое присутствие России призвано было крестьянское заселение, осуществление которое после ликвидации крепостничества и личного освобождения крестьян было гораздо легче, чем до 1861 г.

Основным фактором массовой миграции крестьян на Восток стала острая социальная проблема, спровоцированная экстенсивным характером хозяйствования в стране. Опутанные кабальными выкупными платежами, непомерными налогами и отработками, русские крестьяне больше всего терпели от малоземелья и безземелья. Увеличить доходность крестьянских хозяйств могла аренда земли у помещиков. Однако те вскоре отказались сдавать ее за отработки и переводили крестьян на денежную форму аренды, оказавшейся непосильной для большинства земледельцев. Поскольку стоимость земли росла, то увеличивалась соответственно ее оплата, вследствие этого она быстро распространилась и вовсе вытеснила отработочную аренду в большинстве российских губерний (Анфимов, 1961).

Послереформенная демографическая ситуация, вследствие которой произошел высокий естественный прирост, прежде всего, среди крестьян, привела к увеличению сельского населения, а ускоренный рост численного состава каждой семьи вел к дроблению хозяйств, которые из-за медленного роста рыночных отношений не могли обеспечить достойное благосостояние своих семей (Бакшеев, 2016).

Уменьшение размеров приусадебных участков было связано также с преобладанием у крестьян

яинства индивидуального способа ведения хозяйства, традиции наследовать землю через ее деление. В среднем по губерниям надел на ревизскую душу стремительно уменьшался. Способствовала миграциям и форма подворного землевладения, присущая, например, малороссийским крестьянам, которая делала их мобильнее по сравнению с общинными. К этому добавилась низкая урожайность почв, которая была характерна, прежде всего, для губерний нечерноземной полосы. Именно поэтому переселенческое движение в конце 1880-х гг. распространилось сначала на малороссийские губернии, а затем на Кубань и уезды центральных российских губерний.

Также слабо развивались местная обрабатывающая промышленность и промыслы, где крестьянство могло подрабатывать хотя бы временно и таким образом улучшить свой материальный достаток. Поисками работы на стороне – в городах, на заводах и фабриках, на сезонных подработках – в конце XIX века занимались тысячи и тысячи свободных сельских жителей, пополняя ряды и без того огромной армии безработных. Кроме этого, статистика оперировала и таким показателем ухудшения положения крестьян как рост их задолженности по выплатам различных налогов и кредитов, доходивших в отдельных хозяйствах до 20 % от годового дохода, что также свидетельствовало об их затруднительном положении (Чуркин, 2006).

Социальную напряженность обостряли также неурожаи, угроза голода, недоедания и болезни, заставляя крестьян искать новые земли. Тысячи семей, не находя достаточных средств к существованию, стихийно переезжали в неизвестные края и становились переселенцами.

Важным фактором миграции была и ментальность российских крестьян, которые изначально были привязаны к земле и в основной своей массе именно ее считали единственным источником богатства и изобилия. Они не приобрели привычки заниматься другим трудом, и поэтому не видели собственной выгоды, чтобы принимать участие в промышленном развитии и продолжали традиционно отдавать предпочтение сельскому хозяйству. Их отпугивала душная атмосфера города с непохо-

жим образом жизни и непонятным производством. Русский крестьянин традиционно держался «за старину» и был очень религиозен. К тому же слабая урбанизация большинства российских городов не могла предложить им достаточного количества рабочих мест (Бакшеев, 2015).

К необразованности крестьян и их политическому безразличию прилагалась наивность, спровоцированная слухами о немереных богатствах Сибири, ее свободных землях, которые можно недорого купить, реках, переполненных рыбой, и пастбищах с густой и сочной травой для скота.

Интенсивное переселение в Сибирь началось с 1880-х гг., однако первый переселенческий поток в Сибирь еще не был столь сильным. Следующий период характеризовался более высокими темпами. Так, в течение 1894–1900 гг. в азиатскую Россию, в Сибирь выехали 97 % от общего количества мигрантов. Правительство активизировало вмешательство в организацию переселения, формируя его районы: Тургайско-Уральский, Тобольский, Акмолинский, Семипалатинский, Томский, Енисейский, Приморский и Семиреченский, распределяя их на меньшие участки. Для регулирования и координации миграции была создана специальная государственная структура – Переселенческое управление при Министерстве внутренних дел (1896–1905 гг.), которое разослало губернаторам специальный циркуляр. В нем указывалось всем местным государственным учреждениям всемерно способствовать успешному «ходу переселенческого дела» с целью ослабить «...аграрное движение среди сельского населения Европейской России за счет выселения излишков населения в азиатские окраины империи» (Белянин, 2011а).

На темпы переселения заметно повлияла и постройка Транссиба (1891–1916 гг.), которая связала европейскую часть Российской империи с Дальним Востоком, значительно потеснив морской и гужевого транспорт, который раньше использовали переселенцы.

Численность и темпы миграции позволяют выделить еще один этап в освоении сибирских земель, в котором особое место по массовости занимает так называемый столыпинский период, кото-

рый начался после 1906 г. Для этого этапа была характерна смена социального состава крестьянства, ибо в переселенческое движение включилась самая бедная его часть, которая, не дожидаясь государственных дотаций, активно пыталась уехать на восток России. Для нее уже не нашлось таких плодородных земель, как для их предшественников, и она преимущественно вынуждена была осваивать худшие земельные массивы и в более отдаленных местах. Недаром в одной из агиток 1909 г. указывалось, что таким людям следует отказаться от мысли о переселении.

Расчеты численности переселенческого движения в государственной и земской статистике начального периода практически не велись, и исследователи могут рассчитывать только на цифровые данные, начиная с 1896 г., когда был налажен официальный централизованный учет переселенцев. Так, еще в 1859–1870 гг. в Сибирь и на Дальний Восток мигрировали 129,2 тыс. человек. Больше всего в Сибирь переселялось в период 1905–1914 гг. особенно интенсивно с 1908 г. Большинство исследователей в подсчетах численности переселенцев за Урал до Первой мировой войны склоняются к цифре в 2,5 млн человек (Давыдов, 2011).

Стихийность крестьянского выезда на Восток ломала предыдущие законодательные нормы, в частности правила 1843 г., да и положение 1861 г. Именно последнее лишало помещичьих крестьян права, особенно в первые годы, ухода на новые земли с наказанием до трех месяцев заключения за самовольное переселение. Это заставило власть приступить к выработке новых законодательных норм. Наиболее значимым стал указ от 13 июня 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли», а именно в Тобольскую и Томскую губернии, Семиреченскую, Акмолинскую и Семипалатинскую области. Согласно этому закону, крестьяне могли переселяться только по разрешению министерства внутренних дел и государственных учреждений, которые определяли наличие свободных участков и сопоставляли их с просьбами переселенцев, которые те подавали губернаторам.

Важно отметить, что земля предоставлялась в постоянное пользование, о чем указывалось в соответствующем земельном акте, где отмечались также ее пределы и порядок уплаты средств за пользование ею. Наделы не отбирались и не облагались непомерными сборами. Первые три года крестьяне полностью освобождались от государственного налогообложения и арендных платежей. В следующие три года выплачивалась только половина от установленных размеров. К тому же вводилась отсрочка переселенцам от исполнения воинской повинности на три года. Мигранты имели право на разовый беспроцентный кредит для закупки продуктов и посевных семян (Дамешек, 2002).

Этот закон постоянно дополнялся инструкциями Переселенческого управления, которое уточняло и направляло крестьянские потоки путем формирования движения поездов, установления очереди их отправок, отдельно для каждой губернии с разделением соответствующих регионов на шесть категорий. Главным критерием здесь были природные характеристики, связанные с началом наводнения, открытием навигации на Иртыше и Оби и тому подобное.

Переселение происходило в основном в феврале, марте и апреле, чтобы люди прибывали к месту поселения с наступлением там весны; в октябре, ноябре и декабре поток переселенцев сокращался. Впоследствии сроки отъездов были строго регламентированы: с 10 марта по 20 июля. В инструкциях также подробно описывались документы, которые крестьяне должны были иметь при себе, чтобы рассчитывать на льготы со стороны государства (Дорофеев, 2007).

Для регулирования миграционных потоков создавались соответствующие местные государственные структуры – губернские и уездные землеустроительные комиссии, которые в соответствии с законом от 6 июня 1904 г. и одобренным императором Николаем II Положением Совета министров от 10 марта 1906 г., наделялись правом командировать уполномоченных и ходоков для выбора земли за Уралом. Им для поездок предоставлялись определенные льготы. Желавшие переселиться

должны были регистрироваться, каждые четыре семьи выделяли ходока, которые отбирали землю на поселение, учитывая, что она наделяется на каждого члена семьи. Ходоки выбирались из состава состоятельных семей из-за значительных дорожных расходов, ведь поездка длилась не менее двух месяцев. Через них власть пыталась также регулировать темпы переселения, то предоставляя льготы, то лишая их (Бакшеев, 2015. С. 12).

Во время столыпинской аграрной реформы политика переселения приобрела более четкий, организованный и направленный характер. Предлагалось организовывать в Сибири даже торги за отдельные участки, и только после этого переселенец должен был ехать занимать выкупленную землю. Чтобы подготовить крестьян к переезду, ознакомить их с новыми условиями хозяйствования, Переселенческое управление начало издавать тысячами тиражами соответствующую литературу. В частности в 1907 г. было напечатано 130 тысяч книг с 400 тысячами пояснений. Государство не скупилось на обещания, когда речь шла о законном переезде. Оно обязывалось обеспечить льготную перевозку мигрантов, снизить железнодорожный тариф на их багаж и домашних животных, устроить быстрое поселение и наделение землей, снять недоимки, долги земских сборов на пять лет, выдать беспроцентные кредиты каждой семье до 165 руб. (Бакшеев, Филимонов, Ноздрин, 2019).

Представляется интересным, в частности, описание, как одной из перспективных, Енисейской губернии, ее мягкого климата и черноземной земли, которая дает высокие урожаи. Власть обещала, что выращенный хлеб переселенцы смогут продавать в большом количестве рабочим золотых приисков и заводов, которым он постоянно требуется. Однако жизненные реалии далеко не всегда соответствовали агитационным призывам. Действительно, тем переселенцам, которые имели свидетельства на выделенные земли, предоставлялись льготы на проезд и перевозку багажа, однако их лишались те, кто ехал без них. Однако все они, и те, и другие, одинаково страдали от антисанитарных условий в поездах, вызванных длительностью переезда, скоплением большого количества людей

без элементарных бытовых условий (Белянин, 2011а).

Также крестьяне далеко не всегда могли воспользоваться льготами, часто опаздывали, потому что не успевали распродать имущество до установленного срока, тогда выезжали самовольно и фактически обворовывали самих себя, ведь они не имели ни льготных свидетельств на проезд, ни кредитов на обустройство хозяйством, ни выделенных для них участков. Более того, переселенцы часто уже по дороге меняли места поселения, нарушая требования проездных документов. Самовольными переселенцами становились также те крестьяне, которые не уезжали в назначенные сроки и те из членов семьи, что по каким-то причинам не были внесены в льготные удостоверения. Статистики отмечали, что по сравнению с 1895–1896 гг. численность самовольных переселенцев значительно увеличилась и на 1908 г. в некоторых губерниях она составляла больше половины приезжих. В частности в Тургайской области число переселенцев составляло 80 %, а в Семипалатинской – даже 90 % (Храмков, 2014).

С начала XX в. в правительстве империи все чаще и увереннее начали звучать новые задачи по переселенческому движению, которые кроме колонизации предусматривали и другую цель. «Новая точка зрения на колонизационный вопрос в Сибири заключается в том, чтобы поставить главной задачей переселенческой политики не выселение трудовых масс с родины, а заселение окраин русскими людьми» (Ремнев, 1997). Таким образом, задача переселения заключалась не столько в борьбе с сомнительным малоземельем, сколько сводилась к проблеме быть или не быть «России великой».

Колонизация стала важным компонентом имперской политики, а крестьяне должны были бы стать эффективными проводниками идеи «единой и неделимой России». Речь шла о том, чтобы совместить колонизацию Сибири с ее русификацией и таким образом укрепить военно-политическое присутствие в этом стратегически важном регионе России. Имперский центр выбрал довольно своеобразный и вместе с тем надежный метод самоза-

щиты, противопоставляя его лидерам и идеологам сибирской областнической идеи с ее сепаратистскими настроениями, которая начала набирать вес и широко распространилась в регионе после осознания сибиряками собственного экономического и культурного своеобразия (Бакшеев, Филимонов, Рахинский, 2019). Государство отказалось от роли пассивного наблюдателя и подчинило переселение имперскому освоению и укреплению окраин, законодательно стимулировало и регулировало его, обращая наибольшее внимание на православие и «русскость».

* * * * *

Результаты анализа переселенческих процессов в Сибири в конце XIX – начале XX века показали, что, бесспорно, Сибирь в эпоху имперской мо-

дернизации этого периода является ярким примером фронта.

Использование концептуальных подходов теории фронта позволяет расширить понимание предмета и объекта исторической регионалистики, учитывая то, что современный этап исторического развития регионологии привлекает внимание ученых-историков, прежде всего, с точки зрения становления новых методологических подходов, поисков путей интеграции цивилизационной системы и региональной науки. В этом отношении история четко свидетельствует, что Сибирь является краем сплошного фронта, причем использование соответствующих подходов позволяет скорректировать уже устоявшиеся представления даже при достаточной степени исследования истории региона.

Библиографический список

Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М. : Наука, 2004. 600 с.

Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX в. М., 1961. 184 с.

Бакшеев А.И. К вопросу о характере «колониальной зависимости» Сибири в XIX – первой четверти XX вв. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 9–13.

Бакшеев А.И. Социально–психологическое мышление сибирского крестьянства в период НЭПа // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 8. С. 11–13.

Бакшеев А.И., Филимонов В.В., Ноздрин Д.А. Административно-территориальная политика Российской империи в Сибири // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 4. С. 81–84.

Бакшеев А.И., Филимонов В.В., Рахинский Д.В. Дискурс сибирской суверенизации: от областничества к современной модернизации территориального устройства // Социально–политические науки. 2019. № 1. С. 66–70.

Белянин Д.Н. Переселение крестьян в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы // Российская история. 2011b. № 1. С. 86–95.

Белянин Д.Н. Противоречия в реализации переселенческой политики в Сибири на рубеже XIX–XX вв. //

References

Alekseev V.V., Alekseeva E.V., Zubkov K.I., Poberezhnikov I.V. (2004) Asian Russia in the geopolitical and civilizational dynamics of the XVI–XX century. Moscow: Nauka. 600 p. (In Russ.)

Anfimov A.M. (1961) Land lease in Russia at the beginning of the XX century. Moscow. 184 p. (In Russ.)

Baksheev A.I. (2016) On the nature of the “colonial dependence” of Siberia in the XIX – first quarter of the XX centuries. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* = Modern science: actual problems of theory and practice. Ser.: Humanities. No. 1. P. 9–13. (In Russ.)

Baksheev A.I. (2015) Socio-psychological thinking of the Siberian peasantry during the NEP period. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* = Historical and socio-educational thought. Vol. 7. No. 8. P. 11–13. (In Russ.)

Baksheev A.I., Filimonov V.V., Nozdrin D.A. (2019) Administrative and territorial policy of the Russian Empire in Siberia. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* = Humanities, socio-economic and social sciences. No. 4. P. 81–84. (In Russ.)

Baksheev A.I., Filimonov V.V., Rakhinskii D.V. (2019) Siberian Discourse of sovereignty: from regionalism to contemporary modernization of the territorial organization. *Sotsial'no-politicheskie nauki* = Social and Political Sciences. No. 1. P. 66–70. (In Russ.)

Belyanin D.N. (2011b) Resettlement of peasants in Siberia during the Stolypin agrarian reform. *Rossiiskaya istoriya* = Russian History. No. 1. P. 86–95. (In Russ.)

Belyanin D.N. (2011a) Contradictions in the implementation of migration policy in Siberia at the turn of the

Гуманитарные науки в Сибири. 2011а. № 1. С. 27–30.

Давыдов М.А. Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы // Российская история. 2011. № 1. С. 56–72.

Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2002. 389 с.

Дорофеев М.В. Земельная реформа в Сибири 1896–1916 гг. (аспекты взаимоотношений власти и крестьянства) // Вестник ТГУ. 2007. № 303. С. 69–73.

Каппелер А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 95–96.

Каппелер А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII вв. // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 47–64.

Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX в.: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. 193 с.

Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. Омск: Омский государственный университет, 1997. 253 с.

Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства / ред. И. Герасимов и др. Казань, 2004. С. 180–200.

Соболева Т.Н., Бобров Д.С. Современная российская историография концепции фронта // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4–1 (72). С. 189–193.

Тернер Ф.Дж. Фронт в американской истории / пер. с англ. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.

Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001–2003. Вып. 1–3.

Храмков А.А. Очерки истории крестьянства Сибири начала XX в. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2014. 328 с.

Чуркин М.К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во Омского государственного педагогического университета, 2006. 376 с.

Barfield Th. The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China. – Oxford, 1989. 255 p.

XIX–XX centuries. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* = Humanitarian Sciences in Siberia. No. 1. P. 27–30. (In Russ.)

Davydov M.A. (2011) land management Statistics during the Stolypin agrarian reform. *Rossiiskaya istoriya* = Russian History. No. 1. P. 56–72. (In Russ.)

Dameshek I.L. (2002) Siberia in the system of Imperial regionalism (comparative study of Russia's marginal politics in the first half of the XIX century). Irkutsk: Ottisk. 389 p. (In Russ.)

Dorofeev M.V. (2007) Land reform in Siberia 1896–1916 (aspects of the relationship between the government and the peasantry). *Vestnik TGU* = Bulletin of Tomsk State University. No. 303. P. 69–73. (In Russ.)

Kappeler A. (2004) Formation of the Russian Empire in the XV–early XVIII century: the legacy of Russia, Byzantium and the Golden Horde. *Rossiiskaya imperiya v sravnitel'noi perspektive* = The Russian Empire in comparative perspective. Moscow. P. 95–96. (In Russ.)

Kappeler A. (2003) Southern and Eastern frontiers of Russia in the XVI–XVIII centuries. *Ab Imperio*. No. 1. P. 47–64. (In Russ.)

Rezun D.Ya., Shilovskii M.V. (2005) Siberia, the end of the XVI – beginning of the XX century: the frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes. *Novosibirsk*. 193 p. (In Russ.)

Remnev A.V. (1997) Autocracy and Siberia. Administrative policy of the second half of the XIX – early XX centuries. *Omsk: Omsk state University*. 253 p. (In Russ.)

Riber A. (2004) Changing concepts and designs of the frontier: comparative-historical approach. *Novaya imperiskaya istoriya postsovetskogo prostranstva* = The new imperial history of the post-Soviet space. *Kazan'*. P. 180–200. (In Russ.)

Soboleva T.N., Bobrov D.S. (2011) Modern Russian historiography of the frontier concept. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* = News of the Altai State University. No. 4–1 (72). P. 189–193. (In Russ.)

Terner F.Dzh. (2009) Frontier in American history. *Moscow: Ves' Mir*. 304 p. (In Russ.)

(2001–2003) Frontier in the history of Siberia and North America in the XVII–XX centuries: General and special. *Novosibirsk*, Iss. 1–3. (In Russ.)

Khramkov A.A. (2014) Essays on the history of the peasantry of Siberia in the early twentieth century. *Barnaul: Altai State University*. 328 p. (In Russ.)

Churkin M.K. (2006) Migration of peasants of the black earth center of European Russia to Western Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries: determining factors of migration mobility and adaptation. *Omsk: Omsk State Pedagogical University*. 376 p. (In Russ.)

Barfield Th. The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China. – Oxford, 1989. 255 p.

Lattimore O. Studies in Frontier History. Collected Papers 1928–1958. London: Oxford University Press, 1962. 565 p.

MacKay A. Spain in the Middle Ages: From Frontier to Empire, 1000–1500. – MacMillan Publishing Company, 1977. 288 p.

Power D. Introduction: Frontiers: Terms, Concepts, and the Historians of Medieval and Early Modern Europe//Daniel Power et al. (eds.): Frontiers in Question: Eurasian Borderlands, 700–1700, London 1999, pp. 1–31.

Sahlins P. Natural Frontiers Revisited: France's Boundaries since the Seventeenth Century// American Historical Review. 1990. №95/5. pp. 1423–1451.

Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History and Other Essays. With Commentary by John Mack Faragher. – New York: Henry Holt & Company, 1994.

Webb W.P. The Great Plains. Lincoln, Nebraska, University of Nebraska Press, 1981, 525 p.

Lattimore O. Studies in Frontier History. Collected Papers 1928–1958. London: Oxford University Press, 1962. 565 p.

MacKay A. Spain in the Middle Ages: From Frontier to Empire, 1000–1500. – MacMillan Publishing Company, 1977. 288 p.

Power D. Introduction: Frontiers: Terms, Concepts, and the Historians of Medieval and Early Modern Europe//Daniel Power et al. (eds.): Frontiers in Question: Eurasian Borderlands, 700–1700, London 1999, pp. 1–31.

Sahlins P. Natural Frontiers Revisited: France's Boundaries since the Seventeenth Century// American Historical Review. 1990. №95/5. pp. 1423–1451.

Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History and Other Essays. With Commentary by John Mack Faragher. – New York: Henry Holt & Company, 1994.

Webb W.P. The Great Plains. Lincoln, Nebraska, University of Nebraska Press, 1981, 525 p.

Критерии авторства

А.И. Бакшеев выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Бакшеев Андрей Иванович,
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации, 660022, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1, Россия,
✉ e-mail: baksh-ai@yandex.ru

Attribution criteria

A.I. Baksheev made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Andrey I. Baksheev,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky Ministry of Health of the Russian Federation,
1, Partizan Zheleznyak street, Krasnoyarsk 660022, Russia,
✉ e-mail: baksh-ai@yandex.ru